

**ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВО
РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ СМИ¹**

Силвия Петкова

Софийский университет им. святого Климента Охридского

**POLITICALLY CORRECT EUPHEMISMS AS A TOOL FOR
IMPLEMENTATION OF VERBAL TOLERANCE IN RUSSIAN
MASS MEDIA TEXTS**

Silvia Petkova

St. Kliment Ohridski University of Sofia

The paper presents the results of contextual analysis of a range of politically correct euphemisms which serve as substitutes for the word *poor* in Russian mass media discourse. Four degrees of mitigation are determined according to the types of concepts the euphemistic devices refer to. The study of language data has shown that the words and expressions which avoid discrimination on the grounds of economic status are commonly used in Russian public communication to break negative stereotypes and demonstrate social solidarity by saving the face of others.

Key words: euphemism, degree of mitigation, political correctness, intentions, mass media discourse, modern Russian, semantics, pragmatics

Эвфемизмы формируют одну из продуктивных лексико-фразеологических подсистем современного русского языка. Ярким примером является класс политкорректных эвфемизмов, характеризующийся подчеркнутой динамикой.

Единицы, принадлежащие к этому классу, занимают центральное место в разряде этических эвфемизмов социальной сферы. Посредством них производится корректировка вербального кода, заклю-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда научных исследований Софийского университета им. Св. Климента Охридского в рамках научного проекта 80-10-71/19.04.2018.

чающаяся «в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» (Тер-Минасова 2008: 216).

Как культурно-поведенческая категория политическая корректность представляет собой систему норм, направленных на защиту прав дискриминируемых групп людей. Что касается языковых изменений политкорректности, то они связаны в первую очередь с контролем над способом вербализации смысла, приводящем к избеганию прямых номинаций, которые считаются в той или иной мере социально неприемлемыми.

В отличие от естественно возникающих в языке эвфемизмов лично-бытовой сферы, политкорректные эвфемизмы в своем большинстве представляют собой специально выработанные и утвержденные обществом языковые знаки толерантности к представителям определенных социальных групп. При этом языковая толерантность понимается как более широкая категория, включающая, помимо социальных, и межличностные отношения. Таким образом, мы рассматриваем политическую корректность как одно из проявлений толерантности в общении.

Тактика политкорректной эвфемизации характерна прежде всего для речи политических деятелей, государственных чиновников и журналистов. Реализуемая посредством нее языковая толерантность, как часть социально детерминированной коммуникативной этики, выступает в роли «фильтра», не пропускающего те средства вербализации, которые могли бы ущемить достоинство Другого. Следовательно, в применении данной коммуникативной тактики находит отражение ответственность говорящего за свои речевые действия.

Для изучения условий функционирования политкорректных эвфемизмов первостепенное значение имеет «их тесная связь с социокультурными процессами: с возникновением новых идеологических установок и переосмыслением культурных ценностей на слова, ранее не имевшие негативного оттенка, накладывається коммуникативное табу, в результате чего они заменяются новыми лексическими единицами» (Панин 2004: 172). В качестве языковых инноваций политкорректные термины обычно конструируются «в рамках дискурса экспертного общества», после чего вводятся в «дискурс различий» (Ботороева 2011: 5).

Политкорректность уже стала неотъемлемой частью культуры стран Северной Америки и Западной Европы, в то время как в России, по мнению исследователей, она еще не запустила глубоких корней. Возможно, одной из причин является неоднозначное отношение к политкорректности, сложившееся в российском обществе: некоторые оценивают ее положительно – как добровольный общественный кодекс поведения, а другие считают ее лицемерием (см. Архангельская 2015: 88).

Лингвисты сходятся во мнении, что нет оснований говорить о формировании целостного языка политкорректности на русской почве. Вместе с тем нельзя не заметить, что в последние годы в публичной речи растет число эвфемизмов, которые можно определить как политкорректные. Среди них, помимо единиц, полученных путем калькирования иноязычных терминов, есть и немалое количество слов и выражений, основанных на собственных ресурсах русского языка.

Наши наблюдения над языком СМИ показывают, что политкорректность имеет перспективы развития в русской речевой культуре. На сегодняшний день она оказывается востребованной, так как после активного протекания процессов социальной и этнокультурной дивергенции члены российского общества ощущают необходимость в соблюдении принципов толерантности в высказываниях и действиях (по крайней мере, в публичном пространстве).

Говоря о политкорректности как проявлении языковой толерантности, следует обратить внимание на ее соотнесенность с категорией оценочности. С одной стороны, тактика эвфемизации применяется в результате оценки коммуникативной ситуации со стороны говорящего. С другой стороны, само использование политкорректных наименований «является способом выражения оценочности, но не социально-политической, а в широком смысле – идеологической, формирующей оценку относительно норм общественного взаимодействия» (Прядильникова 2007: 9). Изучение оценочного аспекта политкорректной эвфемизации позволило бы понять те тонкие нюансы смысла, которые определяют выбор того или иного варианта косвенной номинации.

В настоящей работе представлены результаты исследования семантико-прагматических характеристик эвфемизмов, заменяющих слово *бедный* в целях превенции имущественной дискриминации в текстах российских СМИ. Анализ проводился на материале корпуса контекстов употребления этих языковых единиц, в который вошли примеры из популярных газет и журналов, а также из публикаций на

информационных сайтах. Были использованы и данные Национального корпуса русского языка.

Для целей анализа был составлен список единиц, которые, по данным Словаря эвфемизмов русского языка (Сеничкина 2008), употребляются вместо слова *бедный*. В него вошли: «*малоимущий* – в м. бедный. В знач. сущ. соц. эвф., фикс. как эвф. с к. XX в.»; «*малообеспеченный человек* – в м. бедняк. В преуменьш. знач., мин. ст. эвф.»; «*малосостоятельный* – в м. бедный // человек. В преуменьш. знач., мин. ст. эвф.»; «*социально недопривилегированный* – в м. бедный. Инояз. соц. эвф. публ. речи, фикс. как эвф. с к. XX в.»; «*социально незащищенные (слои населения)* – в м. бедняки, беднота. Перен. соц. эвф. с 90-х гг. XX в.»; «*стесненный в средствах* – в м. бедный. Перен., мин. ст. эвф.» Как видно из словарных дефиниций, немалая часть этих эвфемизмов относится к неологизмам, впервые зафиксированным в постсоветскую эпоху.

На базе мониторинга текстов СМИ список был дополнен следующими единицами: *наименее состоятельные, нуждающиеся, неблагополучные, менее/наименее благополучные, находящиеся в стесненных обстоятельствах/в стесненном материальном положении, оказавшиеся в сложной/трудной жизненной ситуации*.

Мы поставили перед собой задачу установить, как концепт, на отсылке к которому основано переименование денотата (присвоение ему «улучшенной» формы), соотносится со степенью эвфемизации, присутствующей языковой единице. В ходе анализа мы опираемся на понимание, что эвфемизм и замещаемое им прямое наименование, имеют общий объект, но разные интерпретанты². «Интерпретанты знака-эвфемизма смещают фокус восприятия объекта [...] путем выведения за рамки актуальной семантической структуры нежелательного признака» (Боторова 2011: 7). Следовательно, чем больше актуальная семантическая структура политкорректного эвфемизма отдаляет знак от «неприятного» объекта, тем выше степень смягчения негативных коннотаций.

Для определения степени эвфемизации мы используем пятиступенную шкалу, включающую минимальную, низкую, среднюю, высокую и максимальную степени³. Поскольку анализу были подвергнуты узуальные, закрепленные в речи эвфемистические единицы, в нашем

² Семиотический термин «интерпретанта» был введен Ч. Пирсом для обозначения концептуализации отношения знак – объект.

³ Срв. концепцию Е. П. Сеничкиной, согласно которой разграничиваются только три степени эвфемизации: минимальная, средняя и максимальная (Сеничкина 2008: 15 – 21).

материале представлены случаи реализации четырех степеней эвфемизации. Отсутствуют примеры максимальной степени, так как она характерна для окказиональных эвфемизмов, которые здесь не рассматриваются.

Самым частотным среди политкорректных единиц, чья семантика сфокусирована на отсутствии достаточных средств для существования, является прилагательное *малоимущий*, которое регулярно функционирует и как существительное. Например:

(1) *Раньше, когда я был просто меценатом, говорил, что мы выполняем роль государства, которое, мол, должно заботиться о малоимущих. А сейчас я думаю, что надо, наоборот, быть благодарным людям, принимающим от тебя пожертвование* (Эксперт, № 1, 2013).

Присутствие в семантической структуре слова сем 'мало' и 'иметь' обуславливает достаточную прозрачность смысла и отсюда минимальную степень эвфемизации. Необходимо уточнить, что это прилагательное функционирует не только в публицистике, но и в официально-деловых текстах. Словосочетания *малоимущая семья* и *малоимущий гражданин* приобрели статус обозначений социально-правовых категорий, определяемых в нормативных документах. Так, категория *малоимущая семья*, подразумевающая получение льгот и финансовой помощи от государства, дефинируется как «*объединение лиц, связанных отношениями родства и (или) свойства, зарегистрированных и (или) проживающих на одной жилой площади и ведущих совместное хозяйство [...], среднедушевой доход которых по не зависящим от них причинам ниже величины прожиточного минимума, установленного в Московской области*» (Постановление Правительства МО от 23.04.2004 № 240/15, Академик.ру). Можно сделать вывод, что сконструированный в конце XX в. эвфемизм *малоимущий* уже стал привычным для носителей русского языка, что послужило основой для его терминологизации.

В контексте медийной коммуникации важно отметить, что частое использование этого термина представителями власти вызывает у некоторых журналистов эффект неприятия, дистанцирования от словоупотребления. Такая позиция выражена в статье Е. Скворцовой «Талонный гуманизм»:

(2) *И вот теперь «Единая Россия» предлагает ввести талоны на покупку продуктов для тех, кого в стране называют малоимущими. Гуманизм нашей партии власти впечатляет. Я помню, как с таким же пафосом несколько лет назад они заботились о тех*

же малоимущих, переводя их льготы в деньги (Собеседник, 27.05.2008).

По сравнению со словом *малоимущий*, прилагательное *малосостоятельный*, которому также присуща минимальная степень эвфемизации, используется реже в медиатекстах:

(3) *Власти решили заранее защитить граждан от попадания в «долговую яму».. Правда, о том, как именно и когда могут быть реализованы идеи – идет ли речь о более низких ставках для малосостоятельных заемщиков, как усилят ответственность банкиров, в Минфине не уточняют* (Российская газета, 27.07.2010).

По причине своей низкой частотности, этот эвфемизм не послужил базой для образования терминологических словосочетаний.

В (4) для обозначения категории людей с низкими доходами использован оборот *наименее состоятельные граждане*, который является несколько более деликатным средством эвфемизации по сравнению с вариантом *малосостоятельные граждане*:

(4) *Выделяемые субсидии не позволяют авиакомпаниям окупить свои расходы, поэтому они предпочитают выставлять на продажу небольшое количество убыточных для них льготных билетов, продавая основную массу кресел в самолете по «коммерческим» ценам, а это, естественно, выходит дороже, чем могут себе позволить наименее состоятельные граждане* (Известия, 9.06.2014).

Эвфемизм, построенный по принципу литоты, предоставляет возможность журналисту косвенным образом выразить значение ‘самые бедные’, соблюдая языковую толерантность. Степень эвфемизации здесь можно определить как низкую (но не минимальную).

Эта же степень эвфемизации характерна и для слова *нуждающийся*. Концепт ‘нуждаться’, эксплицируемый им, способствует завуалированному наименованию лиц, у которых нет средств для существования. Приведем пример такого употребления:

(5) *По словам специалиста благотворительного фонда «Справедливая помощь» Ланы Журкиной, действительно нуждающиеся люди не занимаются попрошайничеством в метро. – Наш фонд помогает восстановить документы тем, кто при каких-то обстоятельствах их потерял, мы сотрудничаем со строительными компаниями, которые берут на работу нуждающихся, чтобы те смогли заработать на билет домой, например, если они не местные* (Известия, 26.07.2013).

Эффект смягчения здесь достигается посредством совмещения приемов умолчания и логического развития. Во первых, недоговари-

вается, в чем именно нуждаются люди, о которых идет речь. Во вторых, из подразумеваемого из контекста смысла ‘нуждаться в деньгах’ логически выводится импликатура ‘не иметь денег’. Косвенному выражению смысла закономерно соответствует более высокая степень эвфемизации, чем минимальная.

Наряду с эвфемизмами, чья актуальная семантика так или иначе основана на признаке ‘не имеющий денежных средств для нормального существования’, в медиатекстах активно функционируют политкорректные слова и конструкции, семантика которых сфокусирована на более абстрактных категориях.

В тех случаях, когда эвфемизм актуализирует такие концепты, как ‘обеспеченность’ и ‘защита’, более успешно реализуется интенция сохранения достоинства Другого.

В прилагательном *малообеспеченный* имеет место отказ от упоминания имущественного состояния. Вместо него в поле внимания вводится понятие ‘недостаточная обеспеченность’, которое, в силу большей широты возможных интерпретаций, способствует повышению степени эвфемизации. Ее можно обозначить как среднюю⁴. Обратимся к типичному примеру употребления данного эвфемизма:

(6) *Казна сэкономит на поддержке **малообеспеченных** семей*
*Вчера в Госдуме в первом чтении были утверждены два законопроекта, «направленные на поддержку позитивных демографических тенденций» в стране. При этом в тексте документов всплывают интересные детали. Оказывается, дополнительные ежемесячные выплаты на второго ребенка пойдут из материнского капитала. То есть государство поможет **малоимущим** за счет денег, которые уже принадлежат семьям с двумя детьми (Независимая газета, 14.12.2017).*

Неслучайно слово *малообеспеченные* вынесено в заголовок, который является важнейшим композиционным элементом медиатекста: «находясь в препозиции к основному тексту статьи, он представляет ее основную тему, дает квинтэссенцию ее содержания» (Раденкова 2015: 115). Появление в заголовке свидетельствует о его эталонной позиции в анализируемом эвфемистическом ряду. Далее в статье употребляется и другой частотный заменитель слова *бедные* – эвфемизм *малоимущие*. Таким образом журналист последовательно, без отклонений реализует тактику политкорректности.

⁴ Иной позиции придерживается Е. П. Сеничкина, приписывая прилагательному *малообеспеченный* минимальную степень эвфемизации на том основании, что в нем присутствует приставка *-мало* в значении *-не* (см. Сеничкина 2008: 20, 185).

О том, что эвфемизм *малообеспеченный* воспринимается как более щадящий достоинство людей с низкими доходами по сравнению со словом *малоимущий*, говорит тот факт, что он послужил для создания самого многочисленного ряда терминов, которыми на сегодняшний день оперирует российская система социальной помощи. Так, в стандарте ГОСТ Р 52492-2005 читаем: «**Малообеспеченное население (малообеспеченные граждане, малообеспеченная семья):** Граждане, которые по независимым от них причинам имеют среднедушевой доход ниже или на уровне прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации» (Академик.ру).

Среднюю степень эвфемизации устанавливаем и при замене слова *бедный* на оборот *социально незащищенный* (ср. англ. *socially disadvantaged*). Здесь также применяется один из распространенных приемов создания эвфемизмов – перенаправление мысли в предпочтительном направлении. В данном случае производится смещение фокуса интерпретации от отсутствия материальных средств к отсутствию социальной защиты. Эвфемизм часто встречается в сообщениях о благотворительных акциях, акцентируя на социальной ущемленности людей с ограниченными финансовыми возможностями и на необходимости оказания им помощи:

(7) *В Белгороде прошла традиционная акция «Мы вам поможем». Накануне нового учебного года представители Красного Креста, бизнес-сообщества и просто неравнодушные горожане помогли подготовиться к школе деткам из социально незащищенных семей* (Комсомольская правда, 29.08.2018).

Изменение концепта, к которому отсылает акт номинации, благоприятно для означаемого объекта. Это делает данный специально сконструированный знак политкорректности одним из предпочтительных вариантов вербализации значения ‘бедные’ в медиатекстах, чьи авторы стремятся к языковой толерантности.

К группе, реализующей среднюю степень эвфемизации, следует отнести и эвфемистический оборот *стесненный в средствах*. Примечательно то, что этот оборот существует давно в русском языке: он использован в рассказе А. Н. Толстого «Месть» (1910 г.) (см. Сеничкина 2008: 408). Контексты его употребления, как правило, не связаны с обсуждением социальных проблем, поэтому его можно отнести к переходной зоне между лично-бытовыми и социальными эвфемизмами. Так, в статье, придерживающейся неофициального регистра жур-

налистского дискурса, употребление этого эвфемизма способствует реализации речевого акта ненавязчивого совета:

(8) *Любители тату, стесненные в средствах, тоже могут обращаться в столичные салоны. Почти при каждом из них есть учебные центры, а начинающим мастерам для практики нужны модели. И вы имеете все шансы стать такой моделью. Татушкой вас обеспечат совершенно бесплатно* (Комсомольская правда, 20.08.2006).

Интерес представляют и условия функционирования эвфемизма *неблагополучный* вместо *бедный*. Согласно Словарю эвфемизмов русского языка, *неблагополучный* употребляется «вм. несчастливый, терпящий неудачи» (Сеничкина 2008: 227). Однако, как показывают корпусные данные, в современном медиадискурсе это слово регулярно подвергается семантической конкретизации и выступает в кореферентном синонимическом ряду с уже устоявшимися в языке эвфемизмами, замещающими слово *бедный* (см. пример ниже). Это дает нам основание считать, что прилагательное *неблагополучный* уже приобрело дополнительное эвфемистическое значение: в качестве знака политкорректности оно используется для превенции имущественной дискриминации.

(9) *В моей практике было много случаев, когда детей из многодетных семей не хотели брать в хорошие школы. Считается, что многодетные семьи – неблагополучные, малообеспеченные. Школьное руководство идет на различные ухищрения, чтобы отсеивать таких детей* (Известия, 6.08.2013).

О том, что концепт ‘благополучие’ устойчиво ассоциируется с концептом ‘богатство’, свидетельствует и тот факт, что определение *менее благополучные* в (10) выступает в качестве заменителя прямой номинации *более бедные*.

(10) *Бруней – одно из самых благополучных государств в Юго-Восточной Азии. Первое место занимает Катар. (...) При этом население страны составляет лишь 1,8 млн. человек, из которых всего 280 тыс. являются гражданами, остальные – это гастарбайтеры из соседних, менее благополучных стран* (Вести Экономика, 21.05.2014).

Перенаправляя мысль реципиента на более генерализованный концепт, эвфемизмы *неблагополучный* и *менее благополучный* реализуют среднюю степень эвфемизации.

Что касается высокой степени эвфемизации, то она характерна для сложных словесных конструкторов, в составе которых присутствуют компоненты, отсылающие к весьма широким понятиям: *стесненные обстоятельства/условия, сложная/трудная жизненная ситуация*

и др. Такая эвфемистическая замена приводит к семантической неопределенности и, следовательно, к затушевыванию негативного смысла.

Обратимся к фрагменту медиатекста, в котором цитируется высказывание В. В. Путина по поводу студенческих стипендий:

(11) *Мы стипендии сохраняем. И не потому что это традиция такая, а чтобы многие из тех, кто находится в стесненных обстоятельствах, могли получить образование* (Комсомольская правда, 2.08.2013).

Опора на контекст и ассоциация с более прозрачным эвфемизмом *стесненный в средствах* гарантируют адекватное понимание использованного эвфемизма.

Следует отметить, что эта давно существующая в русском языке клишированная конструкция встречается и в более уточненном варианте, отсылающем к понятию 'материальное'. Например:

(12) *Значительная часть этих детей живет в крайне стесненных материальных условиях, у многих из них уровень дохода в семье не достигает до прожиточного минимума* (Коммерсантъ FM, 6.12.2013).

На повышении уровня абстрактности интерпретанты основан и эвфемистический оборот, употребленный в (13). Контекст показывает, что объектом номинации являются бедные, которым предоставляется новая форма социальной помощи:

(13) *В пресс-службе департамента соцзащиты населения Москвы рассказали, что у ведомства уже есть положительный опыт внедрения социальных сертификатов — на адресную продуктовую помощь людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации* (Известия, 3.03.2014).

Заслуживает внимание присутствие в этой конструкции глагола *оказаться*, который имплицитно несет идею, что испытываемые материальные трудности — лишь временное явление, а потом жизнь может наладиться. Таким образом реализуется стратегия социальной эмпатии.

Анализ особенностей функционирования устойчивых оборотов в текстах СМИ позволяет сделать вывод о том, что многословность политкорректного конструкта повышает степень осуществляемой им эвфемизации.

Проанализированные контексты употребления эвфемизмов, направленных на избежание дискриминации по имущественному признаку, выявили сильное влияние фактора регламентированности общения в медиадискурсе, обсуждающем социальные проблемы. Ис-

следование языковых данных подтвердило, что эвфемистическая замена слова *бедный* в текстах масс-медиа ориентирована на преодоление негативных стереотипов и на проявление солидарности с людьми с низким социальным статусом. В качестве эвфемизмов, обслуживающих стратегию языковой толерантности, они мотивированы интенцией сохранения лица Другого. Наряду с этим, они способствуют самопрезентации субъекта речи, позиционируя его как социально ответственную личность.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельская 2015:** Архангельская, А. Политический американизм политкорректность в языковом сознании русских. [Arhangel'skaya, A. Politicheskij amerikanizm politkorrektnost' v yazykovom soznanii russkikh.] // *Съпоставително езикознание*, 2015, кн. 1, 85 – 98.
- Ботороева 2011:** Ботороева, Ю. С. *Лингвосемиотические аспекты эволюции эвфемизма в контексте времени культуры (на материале английского языка)*. [Botoroeva, J. S. Lingvosemioticheskie aspekty evolyutsii evfemizma v kontekste vremeni kul'tury (na materiale angliyskogo yazyka).] Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: ИГЛУ, 2011.
- Панин 2004:** Панин, В. В. *Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория*. [Panin, V. V. Politicheskaya korrektnost' kak kul'turno-povedencheskaya i yazykovaya kategoriya.] Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: ТГУ, 2004. <<http://politlinguist.ru/materials/thesis/Панин.pdf>> (20.09.2018).
- Прядильникова 2007:** Прядильникова, Н. В. *Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика*. [Pryadil'nikova, N. V. Evfemizmy v rossijskih SMI nachala XXI veka: kompleksnaya harakteristika.] Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Самара: СамГУ, 2007.
- Раденкова 2015:** Раденкова, Е. Трансформации прецедентных высказываний как средство передачи экспрессивно-оценочных смыслов в газетных заголовках. [Radenkova, E. Transformatsii pretsedentnyh vyskazyvanij kak sredstvo peredachi ekspressivno-ocenochnyh smyslov v gazetnyh zagolovkah.] // *Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков*. Вып. 9, Шумен: УИ „Епископ Константин Преславски“, 2015, 115 – 137.

Сеничкина 2008: Сеничкина, Е. П. *Словарь эвфемизмов русского языка.* [Senichkina, E. P. Slovar' evfemizmov russkogo yazyka.] Москва: Флинта-Наука, 2008.

Тер-Минасова 2008: Тер-Минасова, С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация.* [Ter-Minasova, S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.] Москва: Слово, 2008.

ИНТЕРНЕТ САЙТЫ И КОРПУСА

Академик.ру: <https://dic.academic.ru>

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>